

Мертвые Души (Том второй) (Из ранних редакций)

Н. В. Гоголь. Собрание художественных произведений в пяти томах.

Том пятый.

М., Издательство Академии наук СССР, 1952

[OCR Бычков М. Н.](#)

ОТРЫВОК ИЗ ГЛАВЫ II

-- У тебя, отец, добрейшая душа и редкое сердце, но ты поступаешь так, что иной подумает о тебе совсем другое. Ты будешь принимать человека, о котором сам знаешь, что он дурен, потому что он только краснбай и мастер перед тобой увиваться.

-- Душа моя! ведь мне ж не прогнать его,-- сказал генерал.

-- Зачем прогонять, зачем и любить?

-- А вот и нет, ваше превосходительство,-- сказал Чичиков Улиньке, с легким наклоном головы набок, с приятной улыбкой.-- По христианству именно таких мы должны любить.-- И тут же, обратясь к генералу, сказал с улыбкой, уже несколько плутоватой:-- Изволили ли, ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о том, что такое: *"Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит"*?

-- Нет, не слыхал.

-- А это преказусный анекдот,-- сказал Чичиков с плутоватой улыбкой.-- В имении, ваше превосходительство, у князя Гукзовского, которого, без сомнения, ваше превосходительство, изволите знать...

-- Не знаю.

-- Был управитель, ваше превосходительство, из немцев, молодой человек. По случаю поставки рекрут и прочего, имел он надобность приезжать в город и, разумеется, подмазывать суд. Впрочем, и они тоже полюбили, угощали. Вот как-то один раз у них на обеде говорит он: "Что ж, господа, когда-нибудь и ко мне! в именье к князю". Говорят: "Приедем!" Скоро после того случилось выехать суду на следствие, по делу, случившемуся во владениях графа Трехметьева, которого, ваше превосходительство, без сомнения, тоже изволите знать.

-- Не знаю.

-- Самого-то следствия они не делали, а всем судом заворотили на экономический двор, к старику, графскому эконому. Да три дни и три "очи без просыпу в карты. Самовар и пунш, разумеется, со стола не сходят. Старику-то они уж и надоели. Чтобы как-нибудь от них отделаться, он и говорит: "Вы бы, господа, заехали к княжому управителю немцу: он недалеко отсюда".-- "А, и в самом деле",-- говорят; и сполупьяна, небритые и заспанные, как были, на телеги да! к немцу... А немец, ваше превосходительство, надобно знать, в это время только что женился. Женился на институтке, молоденькой, субтильной (Чичиков выразил в лице своем субтильность). Сидят они двое за чаем, ни о чем не думая, вдруг отворяются двери -- и ввалилось сонмище.

-- Воображаю, хороши!-- сказал генерал.

-- Управитель так и оторопел, говорит: "Что вам угодно?" -- "А,-- говорят,-- так вот ты как!" И вдруг, с этим словом, перемена лиц и физиономии: "За делом. Сколько вина выкуривается по именью? Покажите книги!" Тот сюды-туды. "Эй, понятых!" Взяли, связали, да в город. Да полтора года и просидел немец в тюрьме.

-- Вот на! -- сказал генерал.

Улинька всплеснула руками.

-- Жена хлопотать! -- продолжал Чичиков.-- Ну, что ж может какая-нибудь неопытная молодая женщина. Спасибо, что случились добрые люди, которые посоветовали пойти на мировую. Отделался он двумя тысячами да угостительным обедом. И на обеде, когда все уже развеселились и он также, вот и говорят они ему: "Не стыдно ли тебе так поступить с нами? Ты всё бы хотел нас видеть прибранными, да выбритыми, да во фраках. Нет, *ты полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит*."

Генерал расхохотался; болезненно застонала Улинька.